

К.Н. Курков, к.и.н., Москва

К ГЕРБУ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III, ИЛИ ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В РОССИЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

(см. рис. на 2-й стр. обложки)

Герб, к которому мы хотим обратиться, в своем роде уникален. И не только тем, что это относительно редкий для России образец чисто династической родовой эмблемы; и не тем, что впервые за всю историю отечественной государственной геральдики на груди Императорского орла поместился не один, а два щита и не тем, что изучаемый нами герб - прямой «предок» утвержденных позднее Павлом I и Александром II государственных и родовых гербов царствовавшего дома.

Но, кроме всего перечисленного, за этим гербом - судьба человека, сыгравшего, как выяснилось только уже в наше время, немалую роль в жизни не только России и ее народа, но и некоторых европейских стран. Некоторая двойственность восприятия его образа различными представителями многих поколений людей, сложность его собственного положения и отразились в гербе, относящемся к началу 50-х гг. XVIII в.

Рассмотрим герб внимательнее (см. рис. на 2-й стр. обложки). Он возник, несомненно, после провозглашения наследником Российского престола и Великим Князем малолетнего Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского герцога Карла Петера Ульриха, переведенного в православие с именем Петра Федоровича. Обратим внимание на то, что Петр не получил титула цесаревича. Этот титул носили его мать и тетка, Елизавета Петровна (до восшествия на престол), затем его сын Павел Петрович (до своего воцарения), но не наследник и будущий преемник Елизаветы, Петр III. Обязательным атрибутом российского престола-наследника титул цесаревича станет только по закону Павла I от 5 апреля 1797 г. До этого «цесаревич» (или «цесаревна») был идентичен «царевичу» («царевне») - сыну (дочери) царя или царицы. Петр III, как и предшественник Елизаветы «император-младенец» Иоанн Антонович, таковым не был (это, кстати, немало помогло падению их обоих, чье рождение не было освящено сакральным авторитетом царя-родителя).

Петр Федорович, и это отражено в гербе, - сын дочери Петра I Анны и герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха. Поэтому левый щит на груди большого двуглавого орла - Голштинский герб, а самого орла (Российского Императорского) венчает не императорская корона, а несколько видоизмененный венец наследника герцогского дома (см. рис. 1),

Рис. 1.

или принцев германских герцогских домов (см. рис. 2), понимавшийся, возможно, в XVIII в. как великогерцогская корона. Левый геральдический щит в гербе содержит почти все владельческие гербы Гольштейн-Готторпских герцогов, которые позднее вошли в Большой государственный и включенный в него «родовой Его Императорского Величества» герб. Но расположение их несколько иное.

Рис. 2.

«Родовой Е.И.В. герб» хорошо известен. «Щит рассеченный. Вправо герб рода Романовых:..Влево - герб Шлезвиг-Голстинский; щит четверочастный с особою внизу оконечностию и малым на середине щитом, в первой червленой части - герб Норвежский: золотой коронованный лев с серебряною галлебардою; во второй золоченой части - герб Шлезвигский: два лазуревые леопардные льва; в третьей червленой части - герб Голстинский: пересеченный малый щиток, серебряный и червлёный, вокруг оного серебряный, разрезанный на три части, лист крапивы и три серебряные гвоздя с концами к углам щита; в четвертой червлёной части - герб Стормарнский: серебряный лебедь с черными лапами и золотою на шее короною; в червлёной оконечности - герб Дитмарсенский: золотой, с поднятым мечем, всадник на серебряном коне, покрытом черной тканью, средний малый щит также рассеченный: в правой половине герб Ольденбургский: на золотом поле два червлёные пояса; в левой герб - Дельменгорстский: в лазуревом поле золотой с острым внизу концом, крест. Сей малый щит увенчан Велико-Герцогскою короною, а главный - Королевскою» (1). Родовой герб императоров Всероссийских явным образом отличался от личного, представлявшего собой просто Малый Государственный герб с небольшими дополнениями. Родовой же герб в отрыве от Большого Государственного дополнялся императорским орлом с цепью ордена Св. Андрея на груди, вокруг щита.

Составители Основных законов под великогерцогской короной понимали некий открытый венец с пятью дугами, отличный от принятого в западноевропейской геральдике.

Но более интересны для нас различия в расположении эмблем в гербах Петра Федоровича и его потомков в XIX в. Прежде всего, герб 1753 г. состоит не из одного, пусть и рассеченного, щита на груди орла, но из двух различных, не связанных непосредственно между собой (разумеется, в числе эмблем на них отсутствует искусственно созданный в XIX в. «герб Романовых», на деле никогда в таком качестве не существовавший). Затем, главный, большой двуглавый орел лишен императорских регалий - корон, скипетра и державы, и увенчан, как мы уже указывали выше, по видимому, великогерцогской короной (что было совершенно справедливо, т.к. Гольштейн-Готторпская династия пока не стала Российским Царствующим домом в лице Петра Федоровича, бывшего еще только наследником престола с великокняжеским титулом). Большой орел выразил пе-

ремены в положении юного Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского герцога, ставшего кронпринцем огромной северной державы.

На правом щите на груди большого орла останавливаться подробно нет смысла: в нем помещен принятый в ту эпоху Российский императорский, т.е. государственный герб, отражающий статус Петра как престолонаследника.

Зато в левом щите нашли свое выражение все политические и династические перипетии той эпохи, сложность российско-гольштейнско-датских взаимоотношений.

«Двойственность» герба отразила и некоторую внутреннюю противоречивость его обладателя. «В самом Петре с момента его появления в России шла острая внутренняя борьба между воспитанным с детства Киле немецко-гольштейнским и прививавшимся позднее в Петербурге имперско-российским самосознанием. В таких условиях ощущение двойственности своего происхождения - немецкого по отцу и русского по матери - порождало у него сложный и весьма неустойчивый психологический комплекс двойного национального самосознания... Все же, если он и ощущал себя в значительной мере немцем, то - немцем на русской службе», надеясь, что герцогский трон в Киле и императорский в Петербурге объединятся в одном его лице (2).

Столь ответственное отношение к своему долгу перед страной, трон который ему предстояло занять, резко контрастирует с расхожими представлениями о Государе Петре III как об ограниченном, ничтожном, почти спившимся человеке, слабом, никчемном монархе. «Факты свидетельствовали, что великий князь отнюдь не был безразличен к делам великой страны, которой, как он верил, ему в будущем суждено было управлять». Это «подтверждается свидетельствами... современников, хотя бы и недоброжелательно настроенных», в частности, то, что Петр Федорович в бытность наследником старался действовать «в пользу фабрикантам, откупщикам и по другим по большей части таким делам», отвечавшим потребностям страны (3). «Высоко оценивал его крупнейший русский историк XVIII в. Татищев, уважал Ломоносов... Державин назвал уничтожение Петром III репрессивной тайной канцелярии «монументом милосердия»... При Петре III был создан Государственный банк России, куда он вложил часть своих средств» (4) (показательный пример. В соответствии с утвердившимся стереотипом, царь должен был бы перевести деньги в Берлин - **Авт.**). Да и в личности императора было много положительных, вполне совместимых с его положением черт. Это и приверженность к военной дисциплине и порядку, и не любовь к нелепым придворным церемониалам и условностям, и склонность к общению с подданными «из простого народа», и жажда деятельности, неутомимость, доброта и доверчивость. Но как раз лучшие, наиболее привлекательные черты Петра III как человека «оборачивались в обстановке борьбы за власть его слабостью как самодержавца» (5). Это-то и способствовало как успешному свержению и последующей гибели императора, так и посмертной клевете на него, инспи-

рированной его врагами и дожившей до наших дней.

Немалую роль в этой искаженной системе взглядов сыграло воистину языческое в своей основе презрение к «слабости», т.е. гуманности и человечности Петра Федоровича, идолопоклонническое желание видеть на троне «Юпитера» или, на худой конец «Минерву». Особенно подобная позиция изумляет не у подданных русских царей, а у наших современников, которые, казалось бы, должны быть наиболее свободны от разного рода мифов, и в полной мере осознавать, к чему ведет забвение сути православной монархии и уроков истории, подменяемых принципами «революционной» целесообразности и потребностей «текущего момента», которым в жертву приносится Царство Божие (6).

Но рассматриваемый нами герб, созданный не ранее 1744 г., имеет гораздо более раннюю, так сказать, политическую предысторию, уходящую корнями в 1718-1722 гг. - время составления первых «тестаментов» Петра Великого. В этом гербе, где столь много места уделено эмблеме российского государства (два орла «против» одного герба Шлезвиг-Гольштейна, да еще находящегося внутри), воплотилось даже знаменитое «завещание» Петра I.

Общеизвестно, что император завещания в общепринятом смысле не оставил (разумеется, не является таковым и фальшивка, известная как «Завещание Петра Великого» и появившаяся значительно позже). Тем не менее последняя воля самодержца была выражена достаточно ясно, хотя и несколько обезличенно (в этом она перекликается с законом о престолонаследии 1797 г.).

Своего рода прелюдий к «завещанию» явился петровский «Устав о наследии престола 1722 г., согласно которому «правительствующие государи российского престола кого похотят учинить наследником, то в их величества воли. А ежели же... таки отменить изволят, то в их же Величества воли да будет». Положения «Устава» подготовлены были, в свою очередь, Генеральным регламентам 1720 г, в котором содержался текст присяги царю и «его царского величества высоким законным наследникам, которые по изволению и самодержавной его царского величества власти определены, и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут...» (7).

А 24 ноября 1724 г., состоялось обручение родителей Петра III - Анны Петровны Российской и герцога Карла Фридриха Шлезвиг-Гольштейнского, с подписанием брачного контракта, ставшего актом большой государственной важности. Мы обратим на него особое внимание, так как онто своеобразно и воплотился в гербе Петра Федоровича, определив его права на русский трон.

Согласно этому акту Анна Петровна «отрекается... за себя, своих наследников, десцендентов [*здесь: нисходящей линии*] и потомства мужеска и женска полу от всех прав, требований, дел и притязаний... на корону и Империиум Всероссийский... от сего числа в вечные времена весьма исключены суть и быть имеют». Казалось бы, право на престолонаследие

для семьи новой герцогини Гольштинской этот контракт совершенно исключает. Но в документе имелся ратифицированный одновременно с ним секретный «артикул» (статья) о том, что ежели Е.В. угодно будет одного из уроденных Божеским благословением из сего супружества принцов к сукцессии [здесь: *преемству, наследованию*] короны и Империи Всероссийской назначить и призвать, то Е. и В. в том совершенную власть и мочь иметь будет». Впоследствии все произошло по схеме, предусмотренной Петром I в секретной статье брачного контракта (8).

Однако почему Петр I, намеревавшийся не только потомству Анны Петровны, но поначалу и ей самой оставить российский престол, потребовал затем от нее и ее супруга официального отказа от прав на трон? Оказывается, сторонники воцарения герцога Карла Фридриха в Швеции (он был старшим из племянников печально знаменитого Карла XII) «рассчитывали, что... герцог, женившись на дочери Петра I, получит в приданное прибалтийские провинции, которые после избрания герцога на шведский престол вновь будут присоединены к Швеции». Разумеется, Император среагировал соответствующим образом. Екатерина I предоставила герцогу на время пребывания его в России право пользования доходами с о. Эзель, что также породило «среди голштинцев эфемерные иллюзии о возможности дальнейшего приобретения Прибалтики и соединения под скипетром... герцога Швеции и России» (9), также не сбывшееся...

Соответственно, и в герб Петра Федоровича не вошли ни три шведские короны, ни гербы балтийских провинций, присоединенных к России.

Заметим, что место так называемого Stammwarperго (фамильного герба) в его малом щитке занимает здесь эмблема Шлезвига-Гольштинского в золотом поле два лазуревых леопардовых льва; три таких же льва в усеянном червлеными сердечками щите означали герб датских королей, одной из младших ветвей рода которых и были герцоги Шлезвиг-Гольштейна.

Это не просто герб, это герб претензий владельцев маленького германского княжества на незаконно отнятую у них территорию. Возмездие поразит их могущественного северного соседа, но, увы, слишком поздно: прогрессирующее родовое слабоумие датских королей совпадает с превращением их монархии в жалкую развалину только в следующем XIX столетии, когда российские, а затем прусские штыки довершат дело Петра III и его отца. (В скобках заметим, что единственная за всю историю страны датская принцесса на российском престоле, Мария Федоровна, принесла родовое проклятие и в российский царствующий дом, привязав его к роковой колеснице англо-французского союза).

Stammwarperн родового герба Императоров Всероссийских стал печальным выражением их отказа от фамильного наследства: 22 апреля 1767 г. Шлезвиг и Гольштейн обменяли на Ольденбург и Дельменхорст, и вместо грозного напоминания Дании («Шлезвиг остается Гольштинским!») щиток в центре стал банальной констанцией происхождения русских царей от графов Ольденбургских.

На своем месте остался только герб «наследника Норвежского» - ко-

ронованный лев с алебардой (в первой части) шлезвигские леопарды «перебрались» во вторую четверть щита, Голштинию «задвинули» в третью четверть (а ведь в России царствовал именно Гольштейнский дом!), стормарнский лебедь отправился в четвертую часть, а «огрызок» гербового поля достался дитмаршскому всаднику.

К тому же герб русских царей сильно потерял в художественной выразительности по сравнению с герцогско-великокняжеским гербом Петра III. Последний располагался на предметах, проектные изображения которых утверждались самим Петром Федоровичем, обладавшим как выяснилось, большим художественным вкусом, левая же половина «родового Е.И.В. герба» создает впечатление, что у составителей были совсем иные, негеральдические цели. Конечно, это явилось закономерным итогом происшедшего в 1762 г. переворота и последующей политики «Матери Отечества» - Екатерины II, стремившейся всеми силами стереть память об убитом ею муже. Не последнюю роль в решении ею голштинских дел сыграло стремление лишить своего сына суверенных заморских владений, опираясь на которые он мог начать борьбу с матерью за возвращение законно принадлежавшей ему российской короны.

Эти перемены геральдически оформились уже в 1767 г., когда было положено начало юридическому оформлению отказа Павла от прав на герцогство. «Герб Великих Князей Российских», в общих чертах повторяющий герб Петра III, помещает несколько измененную композицию Гольштейнского герба (рис. 3). Щит здесь уже не рассечен, а пересечен (с сохранением по три поля в каждой части). В первом поле, как водится, все тот же норвежский лев, во втором - голштинский щиток с крапивными листьями, третье место получил стормарнский лебедь, внизу сохранилась соответствующая очередность символов - Дитмаршский всадник, Ольденбургские пояса и Дельменхорстский крест. «Сердцевой» щиток сохранил «леопардовых львов». Большой орел покрыт «великокняжеской» короной, аналогичная корона венчает оба щита.

*Wappen des Groß-Fürstens
von Rußland.*

Рис. 3.

Но уже «герцогский гольштейнский герб» - совершенно иной (см. рис. 4). Малый щиток был расчленен и вместо львов Шлезвига получил пояса и кресты Дельменхорста и Ольденбурга (обращает на себя внимание отсутствие во всех случаях «острого конца» у дельменхорстского креста XVIII в.). Прочие эмблемы щита и их расположение повторилось в «Собственном Е.И.В. гербе».

Гербовник 1767 г. дает нам возможность ознакомиться с другими деталями герцогского герба, неизвестными в русской геральдике. Над щитом помещены три золотых шлема, увенчанных «герцогскими» шапками (без обручей и держав с крестами на вершинах). В нашламнике центрального шлема, покрытого наполовину лазуревым, наполовину червленим наметом - норвежский лев с «галебардою». Правый шлем, покрытый наполовину лазуревым, наполовину червленим наметом, подбитый золотом, - три золотых столбика, украшенных каждый тремя павлиньими перьями. Шлем слева, покрытый червленим с серебряным подбоем наметом. Имеет в нашламнике семь золотых копий, на каждом из которых червлений флажок с гербом Гольштейна (пересеченный щиток, окруженный крапивными листьями (10)).

Почему, однако, в российской геральдике все эти метаморфозы воплотились окончательно лишь в середине XIX в.? Вспомним, что начало царствования Александра II, когда утверждались новые императорские гербы, - это и время «окончательного решения» шлезвиг-голштинского вопроса. Правда, вопрос этот будет осложнять датскую внешнюю политику еще долго - до 1920 г., когда после первой мировой войны окончательно установилась государственная граница между Данией и рейхом.

В чем же суть «шлезвиг-голштинского вопроса»? Ранее было принято утверждать, что попытки решения его Петром III, то повышенное внимание, которое он уделял данной проблеме, шли вразрез с российскими интересами, оплакивалась «ничтожность» герцогства, из которой выводится «ничтожество» владевшего этим герцогством императора. Между тем сохранение Шлезвиг-Гольштейна за Россией дало бы ей возможность уже тогда установить свое господство в Европе, сделало бы невозможными

*Hertzogt Holfteinyches
Wappen*

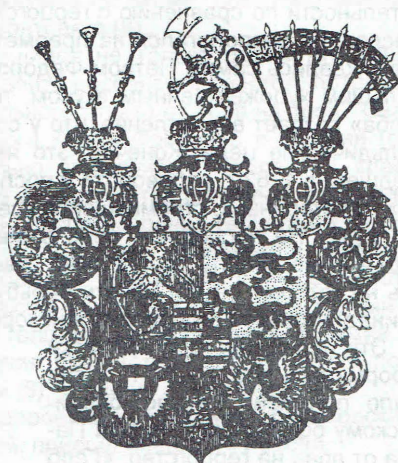

Рис. 4.

революции начала XX в. (Северная Германия просто превратилась бы в постоянную базу для борьбы с демократией и большевизмом, в место дислокации белых армий и прибежище эмигрантов, до которых не дотянулись бы ни либералы, ни большевики). Кроме личных владений гольштейн-готторпских герцогов с резиденцией в готторпском замке и столицей в Киле (вот кому должен был бы принадлежать знаменитый Кильский канал Вильгельма III!), существовали еще владения, находившиеся в совместном управлении гольштейн-готторпских герцогов и датских королей.

После разгрома Дании шведами в середине XVII в. датская корона вообще отказалась от претензий на Шлезвиг, сохранив только «королевскую часть» - владения, принадлежавшие лично королю как потомку герцогов Шлезвигских и Гольштейнских - на правах личной унии. Но после поражения Швеции, поддержавшей герцогов Голштинских, в Северной войне, датчане оккупировали герцогскую часть Шлезвига и удерживали ее за собой. Правда, по союзному договору с Россией 1746 г. Дания согласилась признать права гольштейн-готторпского герцога Петра Федоровича, ставшего уже российским престолонаследником, на герцогскую часть Шлезвига, но реально ее так и не вернула. В 1751 г. датчане предложили Петру Федоровичу обменять оккупированный ими Шлезвиг вместе с Гольштейном на удаленные от моря Ольденбургское и Дельменхорстское графства, с дополнительной денежной компенсацией, от чего Великий Князь отказался, мотивируя это государственными интересами своей новой родины, которые «всегда к тому клонились, чтоб... иметь при Балтийском море владения» (11). У его супруги позднее оказалось на этот счет свое мнение. В 1767 г. Екатерина II фактически предала интересы своего сына - наследовавшего Петру цесаревича Павла, отказавшись за него от готторпской части Шлезвига и обменяв готторпскую часть Гольштейна на графство Ольденбургское и Дельменхорстское с передачей их младшей линии герцогского рода - предкам нынешних герцогов Ольденбургских. Окончательный договор был подписан Павлом Петровичем 1.07.1773 г. в Царском Селе.

Длительное время датчане практически беспрепятственно пользовались захваченным, хотя многие жители герцогств были недовольны утратой независимости. В 1807 г. Дания оказалась втянутой в союз с Наполеоном. Показательно, что, увидев из окна вступление союзных наполеоновских войск в Копенгаген, слабоумный датский король Кристиан VII скончался от страха. Британский флот напал на датскую столицу и увел в Англию военно-морской флот Дании. А в 1814 г. датчане в результате разгрома их союзника Бонапарта потеряли Норвегию.

Но на этом злоключения захватчиков не кончились. Менее чем через 100 лет после аннексии, весной 1848 г., в герцогствах вспыхнуло восстание, возглавлявшееся герцогом Августенбургским - главой средней по старшинству ветви рода датских королей. Поддержанные вначале Пруссией, а затем и другими германскими государственными, шлезвиг-гольштейнцы в конце концов потерпели поражение, т.к. Пруссия под давлением России вышла из войны.

«Политика единого государства», так сказать, «данизация» немецких по крови, языку и культуре герцогств, упорно проводившаяся датскими Ольдебургами, привели к закономерным результатам. На национальный вопрос насаивался вопрос династический. Дело в том, что в Датском королевстве престолонаследие шло по обеим линиям - сначала по мужской, затем по женской, в Гольштейне - лишь по мужской, в Шлезвиге же этот вопрос оставался спорным. Поэтому, когда в 1846 г., был провозглашен общий порядок наследования для Дании и для Шлезвига, что фактически способствовало его отделению от Гольштейна, это только усилило сепаратистские тенденции в обоих герцогствах и привело в итоге к новой шлезвиг-гольштинской войне. Поводом к ней послужило принятие парламентом Дании новой конституции, по которой Шлезвиг вообще отрывался от Гольштейна. Население герцогств отказалось признать ее. А германские государства во главе с Пруссией в ультимативной форме потребовали ее отмены. В последовавшей затем войне Дания потерпела поражение, лишившись и Гольштейна, и почти всего Шлезвига, и даже полученного ею на Венском конгрессе прусского графства Лауэнбург (12).

Однако воссоединение исконно немецких княжеств с германским народом продолжалось немногим более полувека: в 1920 г. Северный Шлезвиг или, как его называли датские шовинисты, «Южная Ютландия», был «возвращен» Дании. К счастью, прочие гольштейнские земли остаются в составе Германии и по сей день. Но герб, которому мы посвятили наше краткое повествование, напоминает, что все эти территории и сейчас еще могли бы принадлежать нам...

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Свод Основных Государственных законов. Изд. 1906 г. Раздел 1. Гл. I. С. 61. Прил. I.
2. **Мыльников А.С.** Легенда о русском принце (руско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры. Л., 1987. С. 113, 114; Он же. Искушение чудом: «Русский принц, его прототипы и двойники-самозванцы. Л. 1991. С. 50-51.
3. **Шаховской Я.П.** Записки. СПб. 1872. С. 157.
4. **Мыльников А.С.** Чужой среди своих // Родина. 1993. № 3. С. 37, 40.
5. Он же. Искушение чудом... С. 60-61.
6. Примерами такой апологетики узурпации трона у легитимного монарха монархом «вождистско-харизматического» (цезаристского) типа являются работы: **Каменский А.** Политика как искусство возможного // Родина. 1993. № 1. С. 148-155; **Лопатин В.С.** Суворов и Потемкин. М., 1989 и др., а в «исторической» прозе - прежде всего скабрзные творения «бессмертного» В.С. Пикуля.
7. ПСЗ I. Т. 6. С. 140-141, № 3534.
8. **Анисимов Е.** Смерть в конторке // Родина, 1993. № 1. С. 141.
9. **Некрасов Г.А.** Балтийский вопрос и европейская политика России после Ништадтского мира (1721-1732). Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 329-330, 335.
10. Der durchlauchtigen Welt vollständiges Wappenbuch. Bd. I. Nürnberg, 1767. S. 109, 110.
11. **Мыльников А.С.** Искушение чудом... С. 52.
12. **Рогинский В.В.** Дания. Монархи Европы. М., 1997. С. 127-130, 133.

К ГЕРБУ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III,
ИЛИ ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
В РОССИЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

(см. стр. 106)

Герб Петра III Федоровича, сына дочери Петра I Анны
и герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха.
Рисунок К.Н. Куркова.